

В. А. ЛИВШИЦ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ
РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема генезиса древнетюркских руноподобных графем, привлекающая внимание исследователей еще в конце прошлого века, не может считаться разрешенной и в наши дни. Филологами, историками, этнографами высказано много различно оцененных в ходе развития науки предположений¹ относительно происхождения древнетюркской руники, в том числе следующие: возникновение руники из родовых тамг; пиктографическое или идеографическое происхождение руники; генетическая связь древнетюркской руники с англосаксонскими и скандинавскими рунами; финикийская алфавитная основа руники; арамейская гипотеза с рядом вариантов: собственно арамейская, парфянская, пехлевийская (среднеперсидская), согдийская, согдийско-хорезмийская, согдийско-пехлевийско-бактрийская²; сложение руники на основе индийского письма кхарошти (также, вероятно, арамейского происхождения); наконец, гипотезы, объединяющие элементы различного происхождения, — «арамейско-тамговые» и «арамейско-идеографические».

В последние годы интерес к проблеме происхождения древнетюркской руники обострился в связи с открытием надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана (в 50 км к востоку от Алма-Аты, раскопки К. А. Акишева), относящейся по археологическим данным к периоду не позднее VI—IV веков до нашей эры. Текст этой небольшой по объему надписи (две горизонтальных строки, нанесенных на донную поверхность чаши; всего 25 или 26 знаков, из них разных не более 16) до сих пор не может считаться расшифрованным. Направление письма — справа налево; расположение знаков показывает, что первой строкой является более длинная (в ней 16 знаков); вторая строка частично повреждена, однако ясно, что она начиналась на уровне третьего знака первой. Поскольку три знака в надписи выступают по два раза, один — три раза и еще один — пять раз, можно предположить, что письмо ее — алфавитное или силлабическое.

Недавно изданная фотография иссыкской надписи³ показывает, что прорисовки, публиковавшиеся ранее в газетах и популярных журналах,

¹ См. обзоры этих гипотез: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 44—50; А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: «Тюркологический сборник, 1970». М., 1970, стр. 133 и сл.; И. Фридрих. История письма (русский перевод), М., 1978, стр. 168.

² G. Clauson. The origin of the Turkish «runic» alphabet. — «Acta Orientalia», XXXII, 1970, стр. 51—76 (об этой гипотезе см. ниже).

³ См.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1977, стр. 220. О раскопках Иссыкского кургана см.: К. А. Акишев. Курган «Иссык». — В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 61—77, (о чаше см. стр. 70—71, рис. 7).

были весьма неточными. Гораздо более точно воспроизведены знаки надписи на прорисовке, опубликованной в 1971 году в статье А. С. Аманжолова⁴. Он отождествил большинство знаков с графемами древнетюркской руники, а остальные сопоставил с буквами финикийского, арамейского и мессапского (греческого по происхождению) алфавитов и предложил читать надпись как древнетюркскую. (Сходная попытка была предпринята еще раньше О. Сулейменовым, который также предлагал считать надпись древнетюркской.) Следует, однако, заметить, что в публикации А. С. Аманжолова прорисовка надписи перевернута, так что первая строка оказалась под второй; соответственно в перевернутом виде предстают и все знаки надписи. Уже это обстоятельство вызывает сомнения в достоверности предложенной дешифровки.

Письмо иссыкской надписи, как можно судить, не обнаруживает сходства с северносемитским письмом и с его известными к настоящему времени формами, в том числе с финикийской и арамейской письменностями, и с письменностями, происходящими из арамейской; к такому же мнению пришел И. М. Дьяконов, крупнейший семитолог и специалист по истории письма, который имел возможность ознакомиться с иссыкской надписью в оригинале⁵. В трех знаках этой надписи, отделенной более чем тысячелетним периодом от старейших из известных нам памятников древнетюркской руники, можно, вслед за О. Сулейменовым и А. С. Аманжоловым, найти сходство с руническими графемами, однако это обстоятельство еще не позволяет делать каких-либо выводов о взаимосвязях данных письменностей, поскольку сходство может быть чисто случайным. Формы остальных 12 или 13 знаков иссыкской надписи не имеют аналогий в древнетюркских рунических памятниках. Против сближения «иссыкского письма» с древнетюркским руническим высказывается и С. Г. Кляшторный⁶. Заслуживает особого внимания структура ряда иссыкских знаков, в которых графемообразующую роль играют короткие диагональные штрихи, отходящие от нижней части вертикальной хвосты — признак, не характерный для структуры древнетюркских рунических графем. Отдельные знаки надписи могут быть с равным успехом сопоставлены с буквами малоазиатских и некоторых других алфавитов греческого происхождения (в том числе и с мессапским, как отметил А. С. Аманжолов), с индийским письмом кхарошти и со многими другими письменностями, но на таких сопоставлениях, как известно, нельзя основывать дешифровку или строить выводы о генетических связях данной письменности.

«Этимологический» метод определения письменных знаков, как показывает опыт дешифровок, может быть успешно применен в случаях, когда сопоставляемые системы письма расходятся лишь в деталях, но он, как правило, не приводит к успеху, когда сходство начертаний ограничивается лишь немногими отдельными знаками. «Совпадение форм отдельных знаков вне системы, — пишет И. М. Дьяконов, — особенно простых знаков геометрического характера или схематических изображений..., не доказывает ровно ничего, как ничего не доказывают и случайные сходства звучания отдельных слов в разных языках»⁷. Важно подчеркнуть, что системного сходства между письмом иссыкской надписи и древнетюркской руникой обнаружить не удается.

⁴ А. С. Аманжолов. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алматы. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1971, № 2, стр. 64—66.

⁵ Ср.: «История Казахской ССР», т. I, стр. 221.

⁶ Там же.

⁷ И. М. Дьяконов. О методах дешифровки древних текстов. — В кн.: «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки», М., 1976, стр. 22, примечание 12.

Можно было бы, однако, возразить, что со временем будут найдены посредствующие звенья, которые позволят все же доказать связь этих двух письменностей, разделенных более чем тысячелетием, и возвести их к общему источнику. Но от такой гипотезы мы должны уже сейчас отказаться.

Дело в том, что в настоящее время известно еще несколько надписей, письмо которых либо близко родственно «иссыкскому», либо является прямым его продолжением. Это: одна из версий трилингвы, обнаруженной в Дашт-е Навуре на Газнийском плато (Центральный Афганистан, около 100 км к юго-западу от Кабула) и относящейся к раннекушанской эпохе, вероятно, к I веку нашей эры (две другие версии этой надписи — бактрийская и пракритская — начертаны, соответственно, бактрийским письмом греческого происхождения и индийским кхарошти)⁸; надпись на обломке известняковой плиты из Сурх-Котала (Северный Афганистан, II век нашей эры)⁹; фрагмент надписи на керамике из Халчаяна (Южный Узбекистан, I—III века)¹⁰; надписи на глиняных сосудах из Фаяз-тепе (район Термеза, слои I—III веков); фрагмент настенной (?) надписи из Кафирниган-тепе (40 км к югу от Душанбе, памятник VII века нашей эры)¹¹.

Таким образом, перед нами серия памятников одной письменности, обнаруженных на огромной территории — от района Алма-Аты (Иссыкский курган) до Центрального Афганистана — и охватывающих более чем тысячелетний период. Следует отметить, что формы знаков этой письменности (в перечисленных памятниках насчитывается в общей сложности около 50 разных знаков), в том числе и тех, которые представлены на иссыкской чаше, и в наиболее поздних из указанных памятников не обнаруживают системного сходства с древнетюркской руникой.

Естественно, что пока иссыкская надпись и примыкающие к ней по письму памятники не расшифрованы (наибольших результатов можно ожидать от третьей версии надписи из Дашт-е Навура), любые заключения о языке этих памятников будут лишь гипотетическими. Можно заметить, что поскольку в надписи из Дашт-е Навура две версии — бактрийская и пракритская — отражают официальные языки и письменности Кушанского царства, то мы вправе предположить, что и письмо третьей версии употреблялось достаточно широко в этом государстве и принадлежало какой-то части его пестрого этническом отношении населения. Такое предположение подтверждается тем, что в Сурх-Котале наряду с надписью неизвестным письмом найдено несколько бактрийских надписей, а на Фаяз-тепе неизвестное письмо представлено в тех же слоях, что и бактрийские и пракритские надписи. Так как бактрийские язык и письмо принадлежат коренному, оседлому в основной своей массе населению северных областей Кушанского царства (левобережная и правобережная Бактрия), а пракрит с письмом кхарошти — населению Северо-Западной Индии, находившейся в то время под властью Кушан, то можно также предположить, что неизвестная письменность скрывает язык пришельцев, из среды которых вышли династии кушанских правителей. Су-

⁸ Публикация надписи: *G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans. — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. 61, 1974, стр. 1—66.* Издатель пытался расшифровать неизвестную письменность, исходя из предположения, что это модифицированное кхарошти, однако эта попытка не увенчалась успехом.

⁹ *A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlân). — «Journal Asiatique», t. 246, 1958, стр. 417, табл. IV; G. Fussman. Указ. раб., стр. 30—31, табл. VII, XXVIII.*

¹⁰ *Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 59 (рис. 35), 91—92; G. Fussman. Указ. раб., стр. 27.*

¹¹ Надписи из Фаяз-тепе (раскопки Л. И. Альбаума) и Кафирниган-тепе (раскопки Южно-Таджикистанской археологической экспедиции под руководством Б. А. Литвинского) еще не опубликованы.

дя по сообщениям письменных источников и памятникам кушанского искусства, этими пришельцами были скорее всего саки, так что неизвестную письменность можно было бы предположительно связать с сакской средой¹². Сходную гипотезу высказал К. А. Акишев, рассматривающий иссыкскую надпись как свидетельство высокого уровня социальной организации саков Семиречья в середине I тысячелетия до нашей эры¹³.

Возвратимся теперь непосредственно к нашей главной теме. С методической точки зрения целесообразно ограничиться лишь рассмотрением происхождения графической системы рунических центральноазиатских памятников, не привлекая рунических надписей, обнаруженных на территории юго-восточной Европы (секельские руны, «руны западных тюрок», «печенежские», «хазарские рунические письма»). В надписях этой группы, представляющих, очевидно, несколько вариантов рунической письменности, обнаружены несомненные аналоги орхоно-енисейских рун; это относится прежде всего к надписям на предметах клада из Надь-Сент-Миклош, в значительной части расшифрованным Ю. Неметом¹⁴. Однако нынешнее состояние изучения восточноевропейских рунических памятников (все они, очевидно, не старше VIII—IX веков) и значительные отличия в формах ряда графем сравнительно с орхоно-енисейскими надписями (ср., например, графемы для гласных)¹⁵ затрудняют возведение центральноазиатской и восточноевропейских рунических письменностей к единому источнику. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении, не увенчались пока успехом (например, гипотеза Ф. Альтгейма о сложении древнетюркской руники в гуннской среде на основе согдийского и хорезмийского алфавитов и последующем ее разделении на региональные ветви)¹⁶. Положение осложняется еще и тем, что в пределах одних и тех же историко-культурных ареалов могли, очевидно, сосуществовать разные варианты древнетюркской руники¹⁷. Для территории Семиречья об этом может как будто свидетельствовать на-

¹² См.: В. А. Лившиц. Надписи из Дильберджина. — В кн.: «Древняя Бактрия», М., 1976, стр. 165—166, примечание 14.

¹³ К. А. Акишев. Общество и письмо у саков Казахстана (постановка проблемы). — В кн.: «Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Тезисы докладов, Алма-Ата, 1976, стр. 11—13; *его же*. — В кн.: «История Казахской ССР», т. I, стр. 219—221. Упоминаемые в последней работе знаки на необработанном камне из могильника Актас (насыпь кургана, III—V века нашей эры) по опубликованной фотографии определить не представляется возможным; эти знаки, как и краткая надпись (?) на дне миниатюрного каменного сосуда из могильника Каратома (III—I века до нашей эры), требуют дальнейшего изучения по оригиналам. Отметим попутно, что техника выполнения иссыкской надписи, неглубоко вырезанной или процарапанной острым инструментом (см.: К. А. Акишев. Курган «Иссык»..., стр. 71), показывает, что она была сделана одним из владельцев чаши (причем не обязательно последним).

¹⁴ J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós, Budapest-Leipzig, 1932 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, II); *его же*. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe. — «Acta Linguistica», Budapest, t. XXI, 1971, fasc. 1—2, стр. 1—52. В последней статье Ю. Немет определяет руническую письменность юго-восточной Европы как «хазарскую», но надписи из Надь-Сент-Миклош продолжает считать печенежскими. Дешифровка Ю. Немета получила новое подтверждение в работе: С. Г. Кляшторный. Хазарская надпись с городища Маяки (находится в печати).

¹⁵ См. сопоставительную таблицу: А. М. Щербак. Les Inscriptions inconnues sur les pierres du Khoumarra (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. — «Acta Orientalia Hungarica», t. XV, 1962, стр. 289

¹⁶ F. Altheim. Hunnische Runen, Halle, 1948; *его же*. Geschichte der Hunnen, Bd. I, Berlin, 1959, стр. 268—289. См. критику этой гипотезы: O. Maenchen-Helfen [рецензия на F. Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd. I]. — «Journal of American Oriental Society», vol. 79, 1959, № 4, стр. 295—298.

¹⁷ См. оценку современного состояния изучения восточноевропейских рунических памятников: А. М. Щербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 76—82.

ходка в Ачикташе, в долине реки Талас, деревянной палочки с рунами, сближающимися по формам с восточноевропейскими памятниками¹⁸, тогда как рунические эпитафии на валунах и наскальные надписи из той же Таласской долины выполнены орхоно-енисейскими рунами (не исключено, однако, что палочка была занесена в Семиречье из Восточной Европы). Вариант руники, приближающийся по некоторым формам знаков к восточноевропейским памятникам, можно видеть и в документе, написанном на коже, найденном вместе с согдийскими документами в крепости на горе Муг. Этот рунический текст должен относиться к периоду не позднее 722 года и, по всей вероятности, был написан на территории Средней Азии; попытка его прочтения на основе орхоно-енисейской руники не увенчалась успехом¹⁹.

Старейшими памятниками центральноазиатской руники можно считать наиболее ранние орхонские надписи. Енисейские надписи, которые первоначально рассматривались как более ранние или представляющие самостоятельную ветвь рунического алфавита²⁰, И. В. Кормушин по палеографическим признакам относит к периоду не ранее начала IX века²¹. Л. Р. Кызласов, основываясь на историко-археологических данных, датирует большинство енисейских надписей IX—X веками²². Более ранние даты для нескольких енисейских памятников установлен С. Г. Кляшторный — первая половина VIII века (две надписи он относит к 711—712 годам)²³. Енисейские надписи отличаются от орхонских формами ряда знаков, большим разнообразием графических вариантов и наличием четырех новых («ювенильных») графем—*e* (или *è*, *e*, *ë*), *š*², *ŋ*¹, *m*²; эти особенности принято ныне рассматривать как региональные и

¹⁸ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. — «Материалы Узкомстарица», вып. 6—7, 1936, стр. 37—38; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 67—68; А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, М.—Л., 1959, стр. 387—388; *его же*. Les inscriptions inconspues..., стр. 27—30; И. А. Батманов. Таласские памятники древнетюркской письменности, Фрунзе, 1971, стр. 27—30. Ср. попытку отнести надпись из Ачикташа, как и ряд восточноевропейских рунических надписей, к памятникам «осетинского (аланского) письма»: Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы, Л., 1971, стр. 89—96.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — «Эпиграфика Востока», V, Л., 1951, стр. 65—75. Ср. критическую оценку этого чтения в рецензии: С. Е. Малов. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, 1954, № 2, стр. 197—198. Сходство письма мугского документа с таласской палочкой отметил И. А. Батманов («Таласские памятники...», стр. 27). Внимание тюркологов должна привлечь публикация новых фотографий этого плохо сохранившегося документа, см.: «Документы с горы Муг». Фотоальбом, М., 1963 (Корпус ираноязычных надписей, ч. II, т. III), табл. X (документ В 13). Оригинал документа хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Отметим еще, что вариант рунического письма, близкий к мугскому документу и некоторым восточноевропейским памятникам, представлен в тексте на черепке, найденном А. А. Марущенко на городище Гяур-кала (Старый Мерв) в слоях начала VIII века и еще не опубликованном (черепок хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа).

²⁰ W. Radloff. Die alttürkische Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 301; С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, стр. 70—73; *его же*. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 607—610.

²¹ И. В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 38, 45.

²² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 93—120; *его же*. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, стр. 38—49. Иную точку зрения см.: А. С. Аманжолов. К генезису тюркских рун. — «Вопросы языкознания», 1978, № 2, стр. 76 и сл.

²³ С. Г. Кляшторный. Стелы Золотого Озера (к датировке енисейских рунических памятников). — В кн.: «Turcologica (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова)». Л., 1976, стр. 258—267.

вторичные²⁴. Ленско-прибайкальская группа рунических надписей по палеографии никак не старше енисейской; нет также оснований считать и небольшую группу алтайских надписей более древней, нежели енисейские²⁵.

Таласские рунические эпитафии С. Е. Малов склонен был датировать не позднее VII века, скорее всего V—VI веками. Он исходил главным образом из выводов финских археологов, согласно которым курган, находящийся неподалеку от валуна № 3, должен быть отнесен к V веку²⁶; С. Е. Малов полагал также, что уже в VIII веке, после утверждения в Семиречье господства карлуков, тюркское население приняло ислам и пользовалось арабской письменностью²⁷. Ранняя датировка таласских эпитафий — V—VI или VI—VII веков — была принята многими тюркологами и послужила основой для гипотезы о семиреченском центре происхождения древнетюркской руники²⁸. Однако в последние годы доказано, что с точки зрения палеографии в таласских эпитафиях нет признаков, свидетельствующих о том, что эти памятники старше орхонских. И. А. Батманов указывал на большое сходство знаков таласских эпитафий с енисейскими надписями²⁹; И. В. Кормушин отмечает такие особенности таласских памятников, как наличие «ювенильных» графем *m*¹, *š*¹ и позднейшие (сравнительно с орхонскими) формы ряда знаков; по его мнению, эти памятники вряд ли старше середины IX века³⁰. Несколько более раннюю дату — 40—60-е годы VIII века — предлагает в настоящее время С. Г. Кляшторный, который связывает таласские эпитафии с династией Кара-чоров, владевшей Таласом в последний период господства тюркешей в Семиречье³¹. Заметим также, что погребения, раскопавшиеся финской экспедицией Г. Гейкеля, вообще не связаны с эпитафиями (это относится и к кургану вблизи валуна № 3), а материалы раскопок датируются ныне очень широко, в пределах V—VIII веков. К IX или даже к X веку следует отнести рунические надписи на скалах в ущельях Терек-сай и Кулан-сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоу, к северу от современного города Таласа. Эти надписи расположены рядом с согдийскими (письмо последних — уйгурское, то есть модифицированное согдийское), которые имеют даты, соответствующие 906, 944 и 1026 годам нашей эры, причем по крайней мере в одном случае

²⁴ О палеографии енисейских надписей см.: А. М. Шербак. Енисейские рунические надписи..., стр. 122—125; И. В. Кормушин. К основным понятиям..., стр. 45—47.

²⁵ Э. Р. Тенишев по палеографическим данным датирует алтайские надписи предположительно VI—VIII веками, однако из его описания выясняется, что эти памятники имеют те же палеографические особенности, что и таласские. См.: Э. Р. Тенишев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — В кн.: «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 265.

²⁶ H. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan, Helsinki, 1918 (Société de Finno-Ougrienne. Travaux ethnographiques, VII), стр. II: 2, II: 14.

²⁷ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 26; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 63.

²⁸ См., например: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 604—610; А. von Gabain. Alt-türkische Schrifttum, Berlin, 1950, стр. 12; его же. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos», Bd. 48, 1953, № 3—4, стр. 539; ср. также: А. М. Шербак. Знаки на керамике..., стр. 388. И. А. Батманов («Таласские памятники...», стр. 27, 30) принимал для таласских эпитафий датировку V—VI или VI—VII века, но полагал, что «носители рунического письма двигались с Енисея в Среднюю Азию, а не наоборот». Ср. также: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 53.

²⁹ И. А. Батманов. Таласские памятники..., стр. 27.

³⁰ И. В. Кормушин. К основным понятиям..., стр. 38, ср. также стр. 41—42 (таблица), 45, 47.

³¹ С. Г. Кляшторный. Источники по истории Киргизии и сопредельных регионов Средней Азии (VI—IX века) (находится в печати).

ясно, что руническая надпись нанесена на скалу позднее, чем согдийская³².

Старейшие из точно датированных орхонских надписей относятся к 30-м годам VIII века, это памятники Кюль-Тегину (732 год) и Бильгекагану (735). Более ранними, возможно, являются надписи в честь Тоньюкука (предположительно между 712 и 716 годами) и Кули-чора (721?), а также Онгинский памятник (около 731?)³³. К концу VII века относится, возможно, надпись из Восточного Гоби, в которой упоминается Эльтериш-каган³⁴. Рунических надписей древнее второй половины VII века до сих пор не обнаружено, а формирование древнетюркской центральноазиатской руники на территории Монголии окажется наиболее вероятным и в том случае, если старейшие из енисейских надписей отнести, вслед за С. Г. Кляшторным, к началу VIII века.

Уже в самых ранних памятниках орхонская руника выступает как вполне сложившаяся система, базирующаяся на принципах алфавитно-слогового письма: 4 знака для гласных (V), 27 для согласных (C) и сочетаний VC/CV, 3 для сочетаний VC/CV, 1 для сочетания VC и 3 для сочетаний C₁C₂. Поэтому естественно, что из гипотез, предлагавшихся для объяснения генезиса этой письменности, наиболее вероятной уже давно признается версия о создании рунических графем на основе одного из алфавитов арамейского происхождения. Большинство тюркологов ныне допускает возможность идеографического происхождения лишь единичных рунических графем, в первую очередь знака *oq* (*qo*)/*uq* (*qu*), который Е. Д. Поливанов убедительно интерпретировал как «знак стрелы»³⁵.

Среди алфавитных письменностей, выдвигавшихся в качестве предполагаемого источника древнетюркской руники, наибольшее внимание уже давно привлекает согдийская письменность. «Согдийская гипотеза» основывается прежде всего на близости форм ряда рунических и согдийских графем, имеющих тождественные или близкие фонетические референты. При этом учитываются также многовековые контакты согдийцев и тюрков в Центральной Азии, в частности, на территории Монголии. Достаточно указать, например, на Бугутскую согдийскую надпись, представляющую собой каганскую эпитафию, близкую по структуре и стилю к орхонским монументальным памятникам; эта надпись, относящаяся к последней четверти VI века (не позднее 587 года), является единственным письменным памятником, дошедшим до нас от I Тюркского каганата, она недвусмысленно указывает на роль согдийской письменности в каганской ставке³⁶. В конце VI — начале VII века на территории Монго-

³² С. Е. Малов, основываясь на рисунках М. Е. Массона, опубликовал транслитерацию четырех рунических строк на большой скале в Терек-сае, оговорив предварительный характер издания и ограничившись переводом лишь нескольких слов [см. «Таласские эпиграфические памятники», стр. 28; ср. также И. А. Багманов. Таласские памятники..., стр. 16, рис. 9, где воспроизведены (без чтений) прорисовки рунических надписей из Терек-сае и Кулан-сае, сделанные в 60-х годах]. Публикация согдийских надписей из этих ущелий подготовлена автором настоящей статьи.

³³ И. В. Кормушин. К основным понятиям..., стр. 37; «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. XXVII, XXIX—XXX.

³⁴ С. Г. Кляшторный. Руническая надпись из Восточного Гоби. — В кн.: «Studia Turcica», Budapest, 1971 («Bibliotheca Orientalis Hungarica», XVII), стр. 249—258; ср.: G. Clauson [рецензия на: «Studia Turcica»]. — «Asia Major», N. S., XVIII, pt. 2, 1973, стр. 212.

³⁵ Е. Д. Поливанов. Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита. — «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета», 1929, № 9, стр. 177—181.

³⁶ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — В кн.: «Страны и народы Востока», X, М., 1971, стр. 121—146; S. G. Klyashtornyi, V. A. Livshits. The Sogdian inscription of Bugut revised. — «Acta Orientalia Hungarica», t. 26, fasc. 1, 1972, стр. 69—108. Об историко-культурном значении Бугутской надписи см. также: L. Bazin. Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie). — В кн.: «Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste», Paris, 1975, стр. 37—46.

лии существовали согдийские поселения, а число согдийцев было столь велико, что китайский историограф писал о них как об одном из племен каганата³⁷. Хорошо известна эстафета согдийской письменности, которую заимствовали уйгуры и передали через несколько столетий монголам, а последние — маньчжурам. Однако, при всей важности этих фактов для оценки историко-культурного фона возникновения центральноазиатской руники, решающее значение в данном случае имеет сопоставление систем письма, причем не только форм графем, но и их фонетических значений.

Уже вскоре после открытия и идентификации первых согдийских памятников из Восточного Туркестана В. Томсен, ранее склонявшийся к признанию происхождения древнетюркского рунического письма из арамейского или парфянского («аршакидско-пехлевийского»), отметил сходство ряда рунических знаков с буквами согдийского алфавита³⁸. Несколько позднее В. Томсен уже более решительно писал, что между руническим и согдийским алфавитами «существуют ясные и неоспоримые соответствия»³⁹. Исследования в этой области начал пионер согдологии Р. Готью, консультировавшийся с В. Томсеном. Согласно Р. Готью, основой для создания древнетюркской руники послужил ранний вариант согдийского алфавита, известный по «Старым письмам», которые относятся скорее всего к началу IV века нашей эры⁴⁰ (Готью датировал их I веком нашей эры) и отделены, таким образом, от старейших рунических надписей более чем тремя столетиями. Согдийский алфавит «Старых писем» насчитывает 19 букв, из которых 17 — 'β γ w z x y k d m n p r ġ r š t — имеют фонетические референты, ^c (соответствует арамейской букве 'айин) выступает только в арамейских идеограммах, а h (арам. хē) употребляется в качестве чисто графической приметы конца слова и, подобно ^c, не имеет соответствия среди согдийских фонем.

Р. Готью подчеркивал, что, в отличие от уйгурского письма, непосредственно продолжающего согдийское, древнетюркская руника была создана на базе согдийского алфавита, причем формы согдийских букв подверглись значительным преобразованиям⁴¹. Согласно Р. Готью, согдийские прототипы можно достаточно уверенно предположить для 12 рунических знаков: $a/\tilde{a} < c$ (огдийский) ' (алеф); $i/i < c$. y; $o/u < c$. w; $b/v < c$. β; $d^1 < c$. δ (Р. Готью видел в этой согдийской букве арамейский *далет*, d, совпавший по форме с *ламедом*, l); $l^1 < c$. δ; $k (k^2) < c$. k; $m < c$. m; $n^1 < c$. n; $p < c$. p; $r^1 < c$. r; $t^2 < c$. t. Р. Готью допускал также сближения рун $\gamma (g^1) — c$. h⁴²; $\eta — c$. γ; $z — c$. z; $s^1 — c$. s; $\xi — c$. š⁴³.

Поиски согдийских прототипов для других рунических знаков затруднены прежде всего разницей в количестве графем. Некоторые знаки, очевидно, вообще не имели согдийских прототипов и были изобретены в

³⁷ О согдийцах в I и II каганатах см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 78—100, 133—135 и др.

³⁸ См.: R. Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne. Première partie: Phonétique, Paris, 1914—1923, стр. 5 (о письме В. Томсена от 27 июня 1911 года).

³⁹ V. Thomsen. Samlede Afhandlinger, vol. 3, Kjøbenhavn, 1922, стр. 76.

⁴⁰ W. B. Henning. The date of the Sogdian Ancient Letters. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XII, pt. 3—4, 1948, стр. 601—615. Более раннюю дату — начало II века — выдвигал Г. Райхельт в своем издании «Старых писем» (H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II, Heidelberg, 1931, стр. 1—56); последние годы II века предлагает датировать их Я. Харматта (J. Harmatta. Eine neue Quelle zur Geschichte der Seidenstrasse. — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Berlin, 1971, II, стр. 135—143).

⁴¹ R. Gauthiot. Essai..., стр. 6, 9.

⁴² Ср. объяснение знака $\gamma (g^1)$ из «аршакидско-пехлевийского» g (арам. гимел) у V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, стр. 49 и сл.

⁴³ R. Gauthiot. Essai..., стр. 7—10.

процессе создания руники. Это кажется наиболее вероятным для 7 орхонских знаков — ll^1 , $nč$, nt , $ič/ič$, $iqlqi$; oq (qo)/ iuq (qu), $ök$ ($kö$)/ $ük$ ($kü$), которые можно отнести к «периферийным», поскольку они обозначают только сочетания фонем. Однако возведение к согдийским прототипам только 12 (или 17) из 31 графемы, составляющих «ядро» рунического алфавита, ставило под сомнение согдийскую гипотезу.

Дж. Клосон предложил искать прототипы рунических знаков в трех алфавитах — согдийском, пехлевийском и бактрийском⁴⁴. При этом для согдийского Дж. Клосон, как и ранее В. Томсен и Р. Готье, привлек алфавит «Старых писем»; для пехлевийского письма была избрана разновидность, засвидетельствованная в рукописи среднеперсидского перевода Псалтири (рукопись VII или VIII века, воспроизводящая, очевидно, тип письма V века); для бактрийского письма (греческого происхождения) выбор пал на рукописный фрагмент из Лоуляна (III—IV века?) и надписи на эфталитских монетах (V—VIII века). Согласно выводам Дж. Клосона, из согдийского и пехлевийского алфавитов происходят в общей сложности 16 рунических знаков: из согдийского 12 — a/\tilde{a} ; o/u ; b/v^1 ; q (k^1 , у Дж. Клосона — x/k^1); l^1 ; n^1 ; r^1 ; s^1 (для этого знака Дж. Клосон допускает и пехлевийское происхождение); k (k^2); m ; $č$; p (последние два, возможно, из пехлевийского); из пехлевийского 4 — i/i ; предположительно d^1 , t^1 (для последнего допускается и изобретение); $š$. К бактрийским, то есть греческим по происхождению буквам, Дж. Клосон возводит 11 рунических знаков: $ö/\tilde{u}$; b^2 ; d^2 (из бактрийско-греческой *καπνωι*); g (g^2); y^2 ; l^2 ; n^2 ; r^2 ; s^2 ; t^2 ; z . Из бактрийского предлагается объяснить и происхождение $é$ енисейских памятников (греческая *альфа*). Знаки γ (g^1), \tilde{j} (\tilde{n}), η , согласно Дж. Клосону, изобретены; знак y^1 восходит к пиктограмме ('лук', тюрк. *ya*).

Возникновение рунической письменности Дж. Клосон относит к середине VI века, к правлению Истеми-кагана в западной части Тюркского каганата; создание руники он связывает в первую очередь с потребностями дипломатической переписки, для которой руника могла выступать в качестве тайнописи (cryptography). Выбор алфавитов для создания рунических знаков и отбор графических прототипов мог быть осуществлен лицами, хорошо знавшими соответствующие письменности, а также древнетюркский язык. Дж. Клосон полагал, что наиболее подходящими кандидатами для такого предприятия были согдийцы и что создание или, по крайней мере, первые попытки применения рунического письма могли быть связаны с тюркскими посольствами в сасанидский Иран и Византию (567 год), во главе которых стоял согдиец Маннах⁴⁵.

История письма знает немало случаев, когда при создании новой письменности были использованы графемы, почерпнутые из разных источников⁴⁶, однако гипотеза Дж. Клосона о гетерогенном характере графических прототипов древнетюркской руники не кажется убедительной. Сомнения вызывает прежде всего постулируемый принцип дифференцированного отбора графических прототипов — твердоярдные знаки преимущественно из согдийского, мягкорядные — из бактрийского. Следует заметить, что ни согдийская и пехлевийская, ни бактрийская письменности не имели каких-либо аналогий для «раздельнорядных» гра-

⁴⁴ G. Clauson. The origin...

⁴⁵ Там же, стр. 57.

⁴⁶ Ср., например, заимствование из греческого алфавита прототипов для некоторых графем, обозначающих гласные, при создании армянского алфавита, который в основе своей восходит к арамейскому. См.: А. Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности. — В кн.: «Переднеазиатский сборник II: Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока», М., 1966, стр. 177.

фем⁴⁷. Привлечение Дж. Клосоном материалов трех письменностей имело единственной целью расширение базы для графических сопоставлений. Выбор прототипов для рунических твердо- и мягкорядных знаков предстает в его схеме случайным, а многие из предложенных им сопоставлений не выдерживают палеографической проверки или кажутся неоправданными (см. особенно постулируемые Дж. Клосоном прототипы для рунических δ/\ddot{u} ; b/v^2 ; d^2 ; g ; r^2 ; y^2 ; t^1 ; t^2).

Недостаточно обоснованными представляются и дата создания руники, принятая Дж. Клосоном, — середина VI века, а также объяснение целей ее создания. Древнетюркская руника, как об этом можно судить по многочисленным памятникам, употреблялась прежде всего для надписей на камне и других твердых материалах. Геометризованные формы знаков указывают, что это письмо — лапидарное; находка нескольких рунических рукописных фрагментов в Восточном Туркестане не противоречит сказанному, поскольку и в этих, сравнительно поздних (X век) текстах сохраняются основные особенности лапидарного письма. Можно поэтому полагать, что руника с самого начала была предназначена для надписей на камне. Но в любом случае отсутствие древнетюркской версии на Бугутской стеле логичнее всего объяснять тем, что в последней четверти VI века рунического письма еще не существовало.

Представляется вероятным, что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной стихийной трансформации. Согдийские графемы служили для творцов руники лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены, причем основные изменения были продиктованы задачей создания лапидарного письма. Количество и состав рунических графем определялись в первую очередь избранными принципами обозначения гласных и отражения в системе письма сингармонизма.

Исходными прототипами для подавляющего большинства рун послужили скорее всего буквы согдийского курсивного письма, известного по памятникам уже с V—VI веков — именно такое письмо выступает в Бугутской надписи. Согдийский алфавит, использованный при создании руники, содержал 22 буквы — 19 букв, известных по «Старым письмам» и другим памятникам (см. выше), и еще 3, впервые представленные в согдийской азбуке, обнаруженной при раскопках городища Пенджикент⁴⁸, — d , t , q ; эти буквы могли употребляться в согдийском письме только в арамейских идеограммах, однако ничто не препятствовало их использованию, наряду с другими согдийскими буквами, в качестве прототипов для создания рунических знаков⁴⁹. Творцы руники могли использовать и зеркальные изображения графических прототипов, а также изменения направлений составляющих их линий; в нескольких случаях разные рунические знаки могли быть созданы из позиционных вариантов одних и тех же согдийских букв.

Предполагаемые графические соответствия для 29 рунических знаков показаны в таблице (см. стр. 94 и 95). В графе 1 номера в скобках соответствуют нумерации рунических знаков у Дж. Клосома. В графе 2 даны

⁴⁷ Таких аналогий нет и в известных нам письменностях других народов, с которыми контактировали древние тюрки (индийское брахми и родственное ему тибетское письмо; китайская иероглифика и связанная с ней тангутская письменность).

⁴⁸ V. A. Livshits. A Sogdian alphabet from Panjikant. — В кн.: «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 256—263.

⁴⁹ Буквы d , t , q пенджикентской азбуки, как и e , h , не имели в согдийском фонетических референтов, однако можно полагать, что писцы-согдийцы заучивали не только написание, но и примерное произношение арамейских идеограмм (так поступали и персидские писцы сасанидского времени).

Сопоставительная таблица согдийского и рунического алфавитов

	Согдийский алфавит				Реконструкция графических прототипов в процессе создания рунического алфавита	Руническое письмо		Рукописные варианты
	"Старые письма"	Согдийско-буддийский курсив	Согдийская азбука из Шенджикента			Орхонские надписи		
1(1)	ʾ	ʾ (нач.)			a, ä	ʾ	ʾ	ʾ
2(2)	ʿ	ʿ			i, ï	ʿ	ʿ	ʿ
3(31)	”	”	”		y ¹	D	D	D
4(32)	”	”	”		y ²	9	9 ; 9	9
5(4)	ʷ	ʷ	ʷ		o, u	>	> ; >	>
6(5)					ö, ü	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
7(6)	β	β	β		b/v ¹	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
8(7)	ρ	ρ	ρ		b/v ²	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
9(8)	č	č	č		č	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
10(9)	D	D	D		d ¹	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
11(10)	δ	δ	δ		d ²	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
12(15)	”	”	”		ʃ ¹	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ
13(16)	”	”	”		ʃ ²	ʌ	ʌ ; ʌ	ʌ

14(11)	$\gamma(\gamma)$		γ		$\gamma(\gamma^1)$	$\gamma, \gamma; \gamma$	
15(13)	$x(x)$		x		$q(k^1)$	$\tau, \tau; \tau$	
16(14)	$k(k, g)$		k		k^2	$\gamma, \gamma; \gamma$	
17(12)	"		"		g^2	$\epsilon, \epsilon; \epsilon$	
18(17)	$m(m)$		m		m	$\delta, \delta; \delta$	
19(18)	$n(n)$		n		n^1	"	
20(19)	"		"		n^2	$\eta, \eta; \eta$	
21(33)	$z(z, \check{z})$		z		z	$\eta, \eta; \eta$	
+8(22)	$\rho(\rho, \check{\rho}, \delta)$		ρ		ρ	$\eta, \eta; \eta$	
22(23)	$\tau(\tau)$		τ		τ^1	$\eta, \eta; \eta$	
23(24)	"		"		τ^2	$\eta, \eta; \eta$	
24(25)	$\delta(\delta)$		δ		δ^1	$\eta, \eta; \eta$	
25(26)	η		η		δ^2	$\eta, \eta; \eta$	
26(27)	$\check{\delta}(\check{\delta})$		$\check{\delta}$		δ	$\eta, \eta; \eta$	
27(29)	τ		τ		τ^1	$\eta, \eta; \eta$	
28(30)	$t(t)$		t		t^2	$\eta, \eta; \eta$	

транслитерационные обозначения согдийских букв, в скобках приведены их фонетические референты⁵⁰. В графе 3 представлены формы согдийских букв в «Старых письмах»; в графе 4 — соответствующие формы в согдийско-буддийских текстах (каллиграфический курсив). В графе 5 приведены начертания нескольких букв в согдийской азбуке из Пенджикента (*d*, *t*, которые отсутствуют в других согдийских памятниках; *γ*, *x*, *s*, несколько отличные по формам от большинства памятников). В графе 6 сделана попытка представить — только предположительно, разумеется, — трансформации исходных прототипов и пути их превращения в рунические знаки (создание «рабочих праформ»). В графе 7 содержатся транслитерационные обозначения рунических знаков. В графе 8 воспроизведены из таблицы Дж. Клосона⁵¹ основные варианты начертаний рунических знаков в орхонских надписях, при этом первый вариант воспроизводит форму в Тон., второй (после запятой) — в КТ и БК, третий (после точки с запятой) — в памятниках уйгурского периода (КБ и др.). В последней, 9 графе даны начертания нескольких знаков в рунических рукописных фрагментах (также по Дж. Клосону).

Создатели рунического письма хорошо знали фонетические значения согдийских графем и, как правило, стремились использовать их для выражения соответствующих или близких древнетюркских звукотипов. К таким руническим знакам можно отнести:

№ 1 *a/ā* из с. *алефа*, обозначающего в согдийском в начальной позиции (вне сочетаний с *y* и *ω*) наиболее часто гласный */a/*, в середине слова — */ā/* или */a/*⁵². Путь графического преобразования этой буквы в рунический геометризованный знак не вызывает сомнений.

№ 2 *i/i* — из с. *y*, обозначающего согласный */y/* (ср. №№ 3, 4) и — в середине и конце слова — гласные */i/*, */i/*, */e/*.

№ 3 *y¹*, № 4 *y²* — из вариантных форм с. *y*. Для *y¹* могут быть реконструированы и другие пути графического изменения прототипа.

№ 5 *o/u* — из с. *ω*, обозначающего согласный */ω/* и — в середине и конце слова — гласные */ū/*, */u/*, */o/*. Форма этой буквы в «Старых письмах» гораздо ближе к руническому знаку, чем в позднем согдийском курсиве, что могло бы указывать на раннюю дату создания рунического алфавита (эволюция начертаний *ω* служит одним из основных палеографических признаков датировки согдийских памятников). Однако, поскольку в других рунических знаках нельзя заметить четких сходжений с раннесогдийскими формами, представляется более вероятным, что при создании рунической графемы за основу был взят согдийский курсивный вариант, подвергшийся сильному преобразованию.

№ 7 *b/v¹* — из с. *β*, с упрощением верхней части буквы. В согдийском *β* обозначала фонемы */v/* и */f/*, в передачах иноязычной лексики иногда также *b* (в согдийском *[b]* — аллофон фонемы */p/*; в древнетюркском смычная */b/* имела щелевой аллофон *[v]* или *[β]*).

№ 8 *b/v²* — из с. *p*, обозначавшего в согдийском фонемы */p/*, */f/*, а также аллофон *[b]*⁵³. Кажется вероятным, что прототипом для рунического знака послужил вариант, выступавший в согдийском в позициях середины и конца слова.

№ 8 + *p* — из вариантной формы с. *p*, обычной для начала слова.

⁵⁰ Состав согдийских фонем и их соотношения с графемами устанавливаются на основе сопоставления согдийских текстов, написанных разными письменностями (собственно согдийская, манихейская, сирийская), с учетом передач иноязычной лексики, этимологических данных и сравнения с современным ягнобским («новосогдийским») языком.

⁵¹ G. Clauson. The origin., стр. 74—75, табл. V.

⁵² В согдийском имелись краткие и долгие фонемы *a ā*, *i ī*, *u ū*, а также *o* и *e*, для которых количественный признак, возможно, не был фонологическим.

⁵³ Ср. употребление с. *p* в уйгурском письме для обозначения фонемы */b/*.

№ 9 *č* — из с. *č*, обозначававшего фонему /č/ и аллофон [j]. Направления графической трансформации буквы неясны. Наиболее близка к руническому знаку форма *č* в согдийском вертикальном письме⁵⁴, однако не исключен и поворот буквы на 90° при создании руники.

№ 11 *d*² — из с. *δ*. В согдийском буква обозначала звонкую щелевую фонему /δ/ и соответствующую глухую /θ/ (ср. ниже об употреблении этой буквы для передачи иноязычного *l*). В уйгурском письме соответствующая буква обозначает /d/, что, возможно, указывает на существование согдийских диалектов, в которых /δ/ переходила в /d/⁵⁵. Впрочем, и в древнетюркском наряду с /d/ существовал, очевидно, аллофон [δ].

№ 12 *l*¹, № 13 *l*² — также из с. *δ*, обозначавшей иногда иноязычное *l* (например, *вудк*¹ для тюрк. *Bilgä*; в идеограммах *δ* соответствует арамейскому *l*). При создании рунических *d*², *l*¹, *l*² были использованы, очевидно, различные варианты начертаний с. *δ*.

№ 15 *q* (*k*¹) — из с. *x*. Ср. в уйгурской азбуке из Кочо соответствия графем: уйг. *γ* (*q*) — с. *γ* и уйг. *γ* (*q*) — с. *x* (в согдийском курсивном письме формы *γ* и *x* в неконечной позиции совпадали по начертаниям)⁵⁶.

№ 16 *k* (*k*²) — из с. *k*, с преобразованием верхней части буквы.

№ 18 *m* — из с. *m*; наличие двух вариантов рунического знака уже в ранних орхонских памятниках (Тон., КТ, БК) может объясняться разными путями графических преобразований прототипа.

№ 19 *n*¹ — из с. *n* в позиции начала слова.

№ 20 *n*² — из с. *n* в позиции середины слова; № 21 *z* — из с. *z* в той же позиции. Преобразования букв очень значительны, но шли аналогичным путем, что, вероятно, связано с совпадением форм *-n-* и *-z-* в согдийском письме.

№ 22 *r*¹ — из с. *r*, с минимальной геометризацией буквы.

№ 24 *s*¹ — из с. *s*; как и в случае с руническим знаком *m*, наличие двух ранних вариантов (в Тон. и в КТ, БК) может отражать различные направления преобразований прототипа (две «рабочих пр�формы»?).

№ 26 *š* — из с. *š*; путь графической трансформации, предложенный в таблице, лишь один из нескольких возможных.

№ 28 *t*² — из с. *t*, с простой геометризацией начертаний (ср. сходные по типу трансформации, легко объяснимые при создании лапидарного письма, в №№ 1, 2, 8+, 12, 15, 16, 22).

Руны, не имеющие прямых соответствий в согдийском алфавите, могли быть созданы различными путями. Знак № 17 *g*² скорее всего возник как зеркальное изображение с. *k* (ср. № 16); при этом следует учитывать, что в согдийском буква обозначала не только фонему /k/, но и аллофон [g]. № 6 *ö/ü* может быть понят как происходящий из диграмы — сочетания с. *ω + y* (ср. аналогичное выражение *ö, ü* в уйгурском письме посредством *wu*). № 10 *d*¹ можно связать с с. *d* пенджикентской азбуки; предложенный в таблице путь преобразования этой буквы — один из многих возможных. Для № 27 *t*¹ ясного прототипа не видно, наиболее вероятной кажется связь с с. *t* пенджикентской азбуки. Возведение № 25 *s*² к с. *h* весьма сомнительно; предпочтительнее считать этот знак изобретенным, равно как № 14 *γ* (или из с. *γ*?) и № 23 *r*² (или модифика-

⁵⁴ Бугутская надпись показывает, что по крайней мере уже в конце VI века согдийцы применяли, наряду с горизонтальным, и вертикальное письмо.

⁵⁵ В ягнобском также /d/ из общесогдийского /δ/, ср. *W. B. Henning. Sogdian Loan-words in New Persian.* — «Bulletin of the School of Oriental Studies», X, pt. 1, 1939, стр. 97.

⁵⁶ См.: *A. v. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III.* — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.», 1922, № 2, стр. 22; *W. B. Henning. Sogdian Loan-words...*, стр. 98.

ция с. r? ср. № 22). Знаки η , j (\tilde{n}), не включенные в таблицу, как и 7 «периферийных» знаков, также могут рассматриваться как изобретенные.

Создание двух серий графем — твердоярдных и мягкорядных (10 пар знаков в ранних орхонских памятниках) — было, несомненно, наиболее оригинальной идеей творцов рунической письменности. Осуществление ее обусловило экономное и достаточно точное отражение на письме древнетюркской фонологической и морфологической структуры. Принципы обозначения гласных, во многом определяющие орфографию рунических памятников⁵⁷, основаны на глубоком понимании тюркского сингармонизма и связанной с ним «предсказуемости» фонетической структуры неначальных слогов. Состав группы «обоюдоярдных» (амбивалентных) рунических знаков свидетельствует о том, что создатели руники тонко понимали особенности фонетической структуры древнетюркских начальных слогов — ср., например, отсутствие собственно древнетюркских слов с начальными \check{c} -, p -, \check{s} -, z -, почти полное отсутствие (по крайней мере, в некоторых древнетюркских диалектах) слов с начальным m -и, соответственно, наличие только «обоюдоярдных» графем в орхонской рунике⁵⁸. Избранные творцами руники принципы обозначения гласных привели к усилению силлабического начала в письме. Примечательно, что согдийской письменности была присуща противоположная тенденция — обозначение, хотя и нерегулярное, всех гласных во всех позициях с помощью $'$, y , w (и сочетаний $''$, $'y$, $'w$) и, соответственно, усиление звукового начала сравнительно с арамейским прототипом. Своеобразие обозначения гласных в рунике выступает особенно отчетливо при сопоставлении ее с уйгурской письменностью, в которой способы обозначения гласных первоначально лишь в некоторых деталях отличались от согдийской⁵⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что автор настоящей статьи — иранист, а не тюрколог, он сознает, что предложенные графические сопоставления и комментарии к ним могут лишь несколько уточнить и дополнить согдийскую версию происхождения руники, разработанную уже Р. Готью; эта версия и ныне остается гипотезой, хотя и наиболее правдоподобной⁶⁰.

⁵⁷ Из последних работ в этой области см.: *I. R. Meyer. Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem der Runentürkischen.* — «Acta Orientalia», XXIX, 1965, стр. 196 sqq.; *E. Hovdhangen. The relationship between the two Orkhon inscriptions.* — «Acta Orientalia», XXXVII, 1974, стр. 55—82.

⁵⁸ Труднее объяснить наличие знаков n^1 и n^2 , поскольку фонема $/n/$ в начальной позиции в собственно древнетюркской лексике также не засвидетельствована.

⁵⁹ Ср. прежде всего обозначения древнетюркских гласных \tilde{i} , i ; o , u ; \tilde{o} , \tilde{u} посредством сочетаний графем $'y$ -, $'w$ -, $'wy$ - в памятниках так называемого «согдийского письма» (правильнее было бы называть его «раннеуйгурским» или «протоуйгурским», поскольку оно содержит букву l , возникшую из r с диакритикой и отсутствующую в собственно согдийском алфавите). Единственное отличие от согдийской орфографии в данном случае состоит в том, что в согдийских текстах сочетания y и w с *алефом* могут обозначать гласные во всех позициях, тогда как в древнетюркских памятниках указанной группы такие сочетания не выступают в первом слове. См.: *A. v. Gabain. Alt-türkische in sogdischer Schrift.* В кн.: «Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh», Budapest, 1976, стр. 69—77.

⁶⁰ В основу статьи положен доклад, прочитанный 30 сентября 1976 года на Всесоюзной тюркологической конференции (см.: «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Тезисы докладов и сообщений, Алма-Ата, 1976, стр. 62—70). Автор приносит сердечную благодарность С. Г. Клышторному, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему много ценных замечаний.